

Посиделки на Дмитровке

ВЫПУСК ДЕСЯТЫЙ

И. С. Тургенева.
Два автографы в прозе, см. I, IX.
(Из «Старого»)

"Какъ хороши, какъ свѣтъ были розвѣ..."

Теперь то, когда то, давно тому назад
архивъ одно стѣкло оптрение. Оно скоро позабди
много... не первый стѣкло осталъ у меня въ пам

"Какъ хороши, какъ свѣтъ были розвѣ..."
Менее дала; морозъ запущивъ стѣкла оконъ; в
мелко... какъ свѣтъ были розвѣ... а свѣтъ,
въ прозе, а въ собою въ звелать да стѣкло

Алла Зубова
Посиделки на Дмитровке.
Выпуск десятый

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43722266
ISBN 9785005035059*

Аннотация

В десятом, юбилейном сборнике «Посиделки на Дмитровке», как всегда, представлены работы членов секции очерка и публицистики Московского союза литераторов. И, как всегда, под одной обложкой – уважительное соседство разных тем, жанров, стилей. Многоголосие оттеняет индивидуальность каждого автора и делает книгу интересной для самых разных читателей.

Содержание

О нас и нашем сборнике	6
Ада Дихтярь	9
Миротворцы	9
О сегодняшнем	34
Татьяна ПОЛИКАРПОВА	38
Превратиться в дерево	38
Сергей Золотусский	57
Sine me, liber, ibis in urbem (лат.)	59
Из Альбома Московской барышни	62
Вот придёт Жанна...	75
Олег ЛАРИН	78
Многоликий и неуловимый	78
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Посиделки на Дмитровке

Выпуск десятый

Составитель Алла Зубова

Редакторы Лина Тархова, Тамара Александрова, Ада

Дихтярь

Технический редактор Владислав Ларин

Корректор Сергей Пономарев

Автор обложки Владислав Ларин

ISBN 978-5-0050-3505-9 (т. 10)

ISBN 978-5-4493-3883-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сборник «Посиделки на Дмитровке», выпуск X

Использование материалов сборника возможно исключительно по письменному разрешению правообладателей;

Владельцем копирайта каждого произведения является автор;

Владельцем копирайта сборника является Владислав Ларин;

С авторами и составителями можно связаться по адресу электронной почты – posidelkinadmitrovke@gmail.com

или по адресу электронной почты, указанному под производением

Сайт Московского союза литераторов –

www.mossoyuzlit.ru

Иллюстрация на обложке – коллаж Владислава Ларина

О нас и нашем сборнике

А у нас юбилей!

Наши «Посиделки на Дмитровке» добрались до десятого выпуска! Десять солидных книжек. Как же долго мы шли к первой! Сначала – в мечтах: «Хорошо бы нам...», потом в энергичных разговорах: «Дело чести в конце концов представить лицо нашей секции!» Собрали рукописи, отредактировали, посчитали страницы, определили сколько может стоить тираж в твердой обложке. И, зажав в кулаке собранные рубли, стали искать издателей. Кто-то нас не устраивал, кого-то мы...

И тут всё взяла в свои руки голубоглазая блондинка – новый член секции: «Я готова, я знаю, я смогу...» Кто бы сомневался! Мы сразу поняли (у журналистов-то глаз-ватерпас), что приняли в свои ряды делового ответственного человека (она, кстати, представлялась высокооплачиваемым компьютерным специалистом). Бюро и редколлегия из месяца в месяц слушали её выразительные доклады – о разных издательствах, о том, как она выбрала оптимальный вариант, как ищет спонсоров: «Наши деньги – копейки...» И тут нас осенило, что живем в каком-то дурном детективе. «Рукописи и деньги – на стол!» – вежливо попросили мы инициативную блондинку. Та зашла в праведном гневе, назвала нас нехорошим словом, хлопнула дверью и навсегда исчезла...

Мы, конечно, планировали «найти-прижать-засудить», но поняли: себе дороже. И начали восстанавливать сделанное.

И вдруг звонок из Королева, женский голос: «У меня диск с вашими текстами, я сверстала вашу интересную книгу. Но заказчица так и не явилась... А я подумала, вдруг вам нужен этот диск.

Вот это ангел! Подружившись, мы узнали про «ангельские» службы – ведущий конструктор Королевского института, профессор Шанхайского университета. На пенсии увлеклась книжной версткой, делала книжки друзей, пошла слава, стали поступать заказы...

Итак, первый наш многострадальный сборник «Одна рубашка для двадцати одного литератора» (столько авторов под одной обложкой) вышел в 2006 году. Мы сразу почувствовали, как это важно – собственное издание.

Одно дело собираться «у самовара», рассказывать об интересных встречах, о том, кто над чем работает, обсуждать только что вышедшие книги, публикации, и другое – собраться в одной книжке. Так неожиданно проявляются хорошо знакомые тебе авторы, твои коллеги!

Сделав первый шаг и уже не сомневаясь в собственных силах, решили, что наше издание должно стать периодическим. Название само родилось: «Посиделки на Дмитровке» – как продолжение наших традиционных встреч.

Сразу договорились: никаких жанровых или тематиче-

ских ограничений – рассказы, литературные переводы, пьесы, короткие и емкие, как притчи, зарисовки...

Пролистывая сегодня вышедшие сборники, отмечаешь прежде всего эксклюзивные материалы.

Ценны семейные хроники – ожившее время, отражение известных событий и вдруг узнаешь о фактах, некогда засекреченных, тайна просачивалась лишь в слухах: было — не было... Было! Ты знакомишься с людьми, по которым ударили эти «тайны»...

Ценны неизвестные страницы жизни знаменитых людей – за открытиями личные встречи или многолетний поиск...

Ада Дихтярь

Миротворцы

Когда в обществе происходит что-то не так или всё не так, мы обращаемся за помощью к опыту и примеру лучших, даже если этот опыт пережил их самих.

Памятник «Перед полётом», г. Энгельс, скульптор Мария

Галина. Сергей Королёв и Юрий Гагарин не были в Энгельсе перед первым космическим полётом. Важно, что корабль первого космонавта приземлился на Саратовской земле, под Энгельсом – близ берега Волги (фото предоставлено автором материала)

Добрый день, майор Гагарин

Всего лишь полмесяца минуло со старта в космос, а Юрий Гагарин снова в полёте. На ТУ-104, который держит путь в Европу.

Улыбающийся, слегка растерянный, он сидит на втором кресле у иллюминатора и без передышки расписывается на открытках, конвертах, авиабилетах, даже на почтовых марках. Также без передышки стрекочут кинокамеры и щёлкают фотоаппараты.

Командир экипажа обеспокоен.

– Товарищи, нельзя всем сразу находиться в переднем салоне. Самолёт должен сохранять равновесие. Очень прошу: соблюдайте правила полёта, – уговаривает он взволнованных людей.

Пассажир, ставший невольным виновником нарушения всех полётных установок, понял, как можно исправить положение. Он встал со своего места, двинулся по проходу от кресла к креслу, пожимал каждому руку и безропотно раздавал автографы.

Самолёт садится на посадочную полосу в Праге. Подруливает к аэровокзалу. Останавливается. Юрий Алексеевич подходит к проёму открывшихся дверей. И мгновенно делает шаг назад. За его спиной – спутник по этой первой поездке за рубеж – генерал Каманин.

– Николай Петрович, там кого-то встречают...

– Тебя, Юра, – спокойно ответил генерал.

На аэродроме – море людей. У трапа – члены правительства страны, которым выпала не свойственная работа провести Первого космонавта сквозь ликующую, но всё ближе и ближе подступающую к нему толпу. Люди стояли с цветами, с флажками, бесконечно аплодировали, по-русски и на родном языке выкрикивали какие-то хорошие слова.

Юрий Алексеевич едет на один из крупных машиностроительных заводов. От места последней встречи до завода 12 километров. Вдоль всего пути стеной стоят люди с букетами в руках.

С трудом выкроили время посмотреть город. С возвышенности спускались вниз, любясь панорамой островерхих башен и улиц, утопавших в буйно цветущей сирени. Юрий Алексеевич чуть быстрее других сбежал по дорожке между холмами к перекрёстку. Навстречу ему, заметно прихрамывая, спешил какой-то очень старый человек.

– Юрко, Юрко, – и ещё что-то по-чешски торопливо говорил он и обнял Гагарина. Догнавшие Юрия спутники, уви-

дели, что по щекам седого человека текут слёзы...

Юрий Алексеевич так много интересного увидел за день, что, казалось, его больше ничем нельзя удивить. Всё-таки удивили. Делегацию из Москвы пригласили в Пражский государственный театр на спектакль... Московского театра имени Евгения Вахтангова «Иркутская история».

После того, как стихли аплодисменты, все прошли за кулисы. Юрий Алексеевич поблагодарил артистов и, с характерной способностью говорить одновременно и в шутку, и всерьёз, заключил:

– Мне давно хотелось посмотреть этот спектакль, но не мог достать билеты. Не будь полёта в космос и вашей поездки в Прагу, так, пожалуй, не побывал бы на «Иркутской истории».

Но даже московская постановка была ещё не последним сюрпризом. Поздно вечером Пражское телевидение передало специальную программу, посвящённую приезду космонавта. Закончилась передача весёлой песенкой, которую на следующее утро пела вся Прага.

Добрый день, майор Гагарин!

Кто ещё так популярен?

Популярнее его,

Нет на свете никого...

Вопреки протоколу

Обычно письма с приглашениями Первого космонавта приходили в Министерство иностранных дел. На этот раз письмо адресовалось Комитету профсоюзов работников машиностроения. Пришло оно из Манчестера от Дэйва Ламберта – руководителя английского профсоюза литейщиков, который от имени 73 тысяч членов своего профсоюза приглашал Гагарина посетить их город и завод. Визит в ответ на приглашение рабочих был приурочен к открытию советской торгово-промышленной выставки в Лондоне.

Лондонский аэропорт за всё время своего существования не видел столь многолюдных встреч. «Браво, Юрий!», «Мы рады видеть тебя, Юрий!», «Молодец, Юрий!» – кричали в толпе.

А вот английская администрация, которая всегда педантично соблюдает дипломатический протокол, с запозданием поняла, как нужно было встречать Гагарина. Официально в момент прилёта в Лондонский аэропорт его приветствовал даже не министр, а заместитель министра авиации.

Популярная английская газета «Дейли Мейл» тут же поместила на самом видном месте – на первой полосе – открытое письмо Гагарину и крупным шрифтом, как заголовок, выделила начало: «Дорогой Юрий, извини нас за наш дипломатический протокол, но мы никогда не встречали человека из космоса».

А самая многотиражная английская газета «Миррор» писала: «Протокол? Его опрокинула волна дружеских чувств

к этому парню из России с его улыбкой и не показной скромностью».

...На пресс-конференцию, которая проходила на территории советской промышленной выставки, собралось около двух тысяч журналистов. Не только представители английских средств массовой информации, но и корреспонденты, аккредитованные в Англии буквально из всех стран мира. Первым поднялся корреспондент радио-агентства «Би-Би-Си»:

– Мистер Гагарин, что вам показалось более трудным – рейс в космос вокруг Земли или поездки по зарубежным странам?

– А вы попробуйте слетать в космос, – улыбаясь, произнёс Юрий Алексеевич, – узнаете сами, что труднее.

Шутка понравилась и сразу настроила зал на дружественный лад.

Время от времени пресс-конференция приобретала митинговый оттенок. Вот поднялся на стул и встал во весь рост темнокожий человек – корреспондент одной из африканских газет. Вместо вопроса – горячее приветствие космонавту и просьба обязательно приехать в Африку. Другой журналист передаёт Гагарину оду, написанную поэтом-киприотом, и приглашает на остров Кипр.

Какой вопрос задаст высоко поднявшая руку журналистка?

Она просит Первого космонавта мысленно принять...

сестринские поцелуи всех женщин и девушек Англии.

Это достаточно известная корреспондентка газеты «Дейли мейл» Ольга Франклин. Пока её коллеги-мужчины расспрашивали Гагарина про технику, про вес корабля «Восток» и про то, какое вознаграждение он получил за полёт вокруг Земли, Ольга всматривалась в лицо этого необычного гостя, как бы пытаясь почувствовать, постичь, что это за человек. О том, что поняла, она и напишет завтра в газете:

«Безусловно, Юрий Гагарин воплощает тот образ, который живёт в сердце женщины, образ, каким должен быть герой и как он должен выглядеть... В Юрии есть нечто такое, о чём так хорошо писал Лев Толстой в „Войне и мире“, – отсутствие эгоизма».

Поразительно, с какой пронизательностью наша английская коллега разглядела самое главное в характере Юрия Алексеевича – отсутствие эгоизма...

...Гагарин на английской студии телевидения. Ведущий спрашивает у Юрия, какие подарки он купил в Лондоне своей жене. Журналист знает: у нас не принято публично высказываться о подобных вещах. Оператор даёт лицо Гагарина крупным планом, во весь экран. С каким выражением он будет говорить на эту тему? Наверняка растеряется.

– Каждый подарок – это сюрприз, – с лукавинкой в голосе отвечает Юрий Алексеевич. – Но каким сюрпризом будут для Вали мои подарки, если я во всеуслышание расскажу о них здесь, господа корреспонденты. Улыбка во весь экран.

На следующий день жители столицы живо обсуждали друг с другом появление Гагарина на телеэкране. Не оставили без внимания и тот факт, что космонавт приехал к монументу британских солдат и офицеров, погибших в двух мировых войнах, и возложил венок из пурпурных роз со скромной надписью на ленте: «От майора Юрия Гагарина».

Англичане с исключительной симпатией принимали Гагарина. Чего не сказать о погоде. Манчестер, большой промышленный город и порт, встретил советскую делегацию проливным дождём. Но улицы полны народа. В главном сквере города духовой оркестр исполняет гимн нашей страны.

Напомним, Гагарин приехал в Манчестер по приглашению профсоюза литейщиков. На торжественной церемонии Первому космонавту вручают грамоту на русском и английском языках об избрании его почётным членом самого старого в мире профсоюза, возникшего в 1809 году. Прикололи на грудь золотую медаль. Потом пошли на завод.

Мужчины и женщины в рабочих халатах, подростки-ученики – все устремились к Юрию. Кто-то пожимал руку, кто-то дружески похлопывал по плечу, кто-то подставлял блокнот для автографа. Каждый, как мог, стремился выразить своё восхищение космонавтом. Гагарин забрался в кузов заводского грузовика. Все услышали его звонкий взволнованный голос:

– Наступит время, – говорит Гагарин, когда на межпла-

нетных станциях и кораблях космонавты различных стран будут встречаться как друзья и коллеги. В космосе всем хватит места: и русским, и американцам, и англичанам.

Гагарин говорил людям, что он тоже рабочий, литейщик, что он очень рад встретить своих товарищей, с которыми у него одно общее дело – сделать мир лучше и не позволить начаться новой войне. В полной тишине закончил Юрий Алексеевич свою простую легко текущую речь. Её перевели. И тишина взорвалась мощной овацией. Как сообщили утренние газеты, во дворе завода собралось десять тысяч человек.

Очень правильно сказал журналист и писатель Ярослав Голованов:

– 108 минут, прожитых Гагариным, поменяли очень многое в жизни людей целого ряда стран. Они, эти минуты, дали толчок к переоценкам и пересмотрам программ, планов, доктрин, договоров, соглашений и политических курсов...

Гагарин незаметно для себя становится умным дипломатом и популярным политиком.

К королеве, так к королеве

А как наш новый дипломат и политик будет выглядеть рядом с наследницей многовековой династии английских королей и королей? Узнав о визите к королеве, а встреча была неожиданной, заранее не планировалась, он высказался

в свойственной ему манере:

– Ну что ж, к королеве, так к королеве. Придётся задержаться на денёк.

Конечно, это была шутка. Юрий Алексеевич прекрасно знал, что визит к коронованным особам считается большой честью для иностранцев. Он видел в этом приглашении, прежде всего, доброе расположение к своей стране.

Обычно в Англии Гагарин ездил на открытой машине со специальным номером «J.G.-1». («Ю.Г.-1»). Говорят, такой чести – иметь в номерном знаке свои инициалы, был удостоен только президент США, приехавший с визитом в Великобританию. На всём пути автомобиль «J.G.-1» сопровождали мотоциклисты в блестящих от дождя накидках. Двигался этот кортеж медленно. Лондонцы всех возрастов и сословий радостно приветствовали Гагарина. Где-то высоко поднимался красный зонт, где-то в толпе вспыхивали красные шарфики, красные платки, кто-то махал не рукой, а красной сумочкой. Всех радовала такая негромкая солидарность. Не политическая. Человеческая солидарность и симпатия.

К Букингемскому дворцу подъехали на посольской «Чайке» с красным флажком. На площади у дворца с самого утра толпы народа. О предстоящем завтраке у королевы из газет знала вся Англия. Высокий градус симпатии к нашему космонавту поднялся ещё выше.

В составе приглашённых, кроме Гагарина, был советский посол в Англии А. А. Солдатов, генерал Каманин и корре-

спондент «Правды» Николай Денисов.

Часовые-гвардейцы, одетые в расшитые золотом мундиры и высокие шапки из медвежьего меха, взяли оружие «на караул». Так королевская гвардия салютовала советскому космонавту.

Из нижнего холла дворца вверх шли три лестницы. Одна, устланная дорогим ковром, была пуста. На лестницах справа и слева, на каждой ступеньке плотно стояли люди. Российские гости справедливо предположили, что это служители дворца: горничные, повара, шофера, истопники, люди прочих малоизвестных нам «дворцовых профессий».

С левой стороны стояла группа встречающих. А перед ней, чуть впереди, – детская коляска, в которой важно восседал малыш Эндрю – сын королевы.

Гостей проводили по центральной лестнице вверх. Гагарин поднялся к распахнутым дверям в зал приёмов. Замедлил шаг. Вперёд, космонавт! Нет. Он обернулся назад и приветственно помахал людям, толпящимся на ступенях боковых лестниц.

В нарушение ли дворцового этикета или по правилам, но холл огласился громкими рукоплесканиями.

А в приёмном зале Юрия Алексеевича приветствовали начальник имперского штаба, главный староста Лондона, известные политические деятели. Лорд Маунтбэттен, очень пожилой человек, рассказал Гагарину, что ему глубоко запахло в память, как в дни далёкого детства его держала на руках

королева Англии.

– Эндрю тоже будет всю жизнь помнить, как он в коляске встречал первого в мире космонавта, – закончил свою мысль старый лорд.

Но вот дворецкий, по замечанию Николая Денисова, больше похожий на министра, широко распахнул боковую дверь и громко произнёс:

– Её величество королева Англии!

Все смолкли.

В этот момент в дверях появилась небольшая собачонка замысловатой породы. Она деловито понюхала воздух, фыркнула и, потоптавшись на коротеньких лапах, уселась против двери. Мол, здесь всё в порядке, можно входить.

И действительно, в зал вошла королева Великобритании вместе с мужем и членами своей семьи. Сравнительно молодая женщина, она была одета не в королевские кринолины, а в обычное достаточно скромное платье. Смеялась, шутила, расспрашивала Юрия Алексеевича о жене и дочках. У генерала Каманина и журналиста Денисова спросила об их впечатлениях о Лондоне.

Оба гостя признались, что не ожидали от респектабельных сдержанных англичан, какими рисует их литература, такого горячего возбуждения при встречах с Первым космонавтом.

– А как вам понравился наш Гагарин? – в свою очередь задал вопрос Николай Петрович Каманин.

– Он просто обворожителен! – с готовностью высказалась королева. – Я читала в газете, что чуть ли не все наши молодые женщины успели влюбиться в него. Кстати, сколько ему лет?

– Двадцать семь.

– Как жаль, что я не так молода, как та отважная девушка, которая вчера расцеловала Гагарина возле вашего посольства, – пошутила королева.

Об этом Елизавета Вторая тоже узнала из газет. В них была напечатана фотография девушки, которая два часа под дождём простояла у советского посольства, а когда из него вышел Гагарин, бросилась к нему и поцеловала. Юрий Алексеевич, наверное, оторопел от неожиданности. А она ещё и дала интервью подбежавшим репортёрам. Сказала, что обожает Юрия за его храбрость, за его полёт и... за его застенчивость. И заключила: «Он – мой идеал!» Удивительные в Англии женщины. В считанные минуты вычислили ещё одну примечательную черту Юрия Алексеевича – застенчивость.

Словом, обстановка в Букингемском дворце сложилась самая непринуждённая.

Очень быстро нашли общий язык Юрий Алексеевич и муж королевы герцог Филипп Эдинбургский. Оказалось, что он авиатор, много летал как пилот, и хорошо разбирается в авиационной технике. Гости и хозяйева говорили о космических делах и о политике, о литературе, искусстве. Вспомни-

нали Никиту Хрущёва в связи с его недавним визитом в Англию и... Михаила Ломоносова.

Белый зал. Комната 1844

Юрий Алексеевич не обошёл вниманием никого из гостей королевы. Даже его спутники-соотечественники, отлично знавшие невероятную общительность Гагарина, и те удивлялись находчивости и остроумию в столь несвойственной для него обстановке.

Та же непринуждённость царила и за столом, накрытом в Белом зале дворца, в комнате 1844. Представителя России в последний раз здесь принимали больше ста лет назад. Это был царь Николай Первый.

Гагарин сидел рядом с королевой.

– Я как глянул, – позже расскажет он своим друзьям-космонавтам, – сколько всяких вилок и ножей спереди, слева, справа лежит, растерялся. С чего начать? Решил на королеву смотреть и всё повторять следом. А она сидит и улыбается.

Тогда Юрий не выдержал:

– Ваше Величество, понимаете, я простой лётчик, каких и у вас много, и, честно говоря, не знаю, как со всем этим управляться.

Елизавета рассмеялась и ответила так, как могла ответить только королева:

– Мистер Гагарин, я родилась и выросла в Букингемском

дворце, но тоже не знаю, с чего начинать, поэтому давайте есть так, как удобно.

Искренность, естественность, находчивость и остроумие космонавта покорили лондонскую аристократию.

То же самое произойдёт завтра на встрече Гагарина с руководителями Британской Академии наук.

– Ваш космонавт – человек очень разносторонних знаний, – скажет на этой встрече известный английский физик Вильям Ходж после обстоятельного рассказа Гагарина о полёте «Востока».

Они подарили Юрию Алексеевичу фотографию радиотелескопа, который следил за полётом его космического корабля, и два тома научной переписки Исаака Ньютона.

– Эти книги мне особенно приятны и дороги, потому что полёт в космос совершался по законам земного тяготения, открытого героем Британской науки Исааком Ньютоном.

Встав со своих мест, учёные долго аплодировали космонавту.

Что, кроме сувениров, книг и подарков, увозил Юрий Алексеевич из Англии?

Первую Золотую медаль Английского общества межпланетных сообщений, учреждённую накануне его приезда.

Золотую медаль профсоюза литейщиков, вручённую ему в Манчестере. На медали были отчеканены руки, сплетённые в крепком рукопожатии, и надпись: «Вместе мы отольём лучший мир».

Мир, действительно, стал лучше настолько, насколько лучше и добрее стали отношения людей двух великих стран.

Остров в подарок

Наши космические успехи были несравнимо значимей первых шагов американских стратонавтов. Шло жёсткое соревнование, но было и глубокое уважение друг к другу. В феврале 1962 года Юрий Гагарин и Герман Титов поздравили стратонавта Джона Гленна с трёхвитковым полётом в заатмосферное пространство. Вслед за ним через несколько месяцев тоже трижды опоясал Землю стратонавт Скотт Карпентер.

Когда 11-го августа того же 1962 года Карпентер узнал о старте Андриана Николаева, он попросил передать ему в космос радиограмму: «Поздравляю Вас с подвигом! Я хотел бы поменяться с Вами местами, если бы это было возможно». На следующий день в Штаты пришло сообщение о старте четвёртого корабля «Восток» с космонавтом Павлом Поповичем. Стратонавт только восхищённо воскликнул: «Ну и ну!».

Полёт Валерия Быковского и первой в мире звездолётчицы Валентины Терешковой ещё раз подтвердил: все мировые рекорды в космосе – наши.

Мир снова захлёстывает искренний восторг победами советских космонавтов. Их ждут разные страны. Каждому по-

сланцу Москвы приготовлен самый горячий приём.

Герман Степанович Титов во Вьетнаме. Президент страны Хо Ши Мин сопровождает космонавта во всех его поездках. В жёстком распорядке встреч он находит «окошко», чтобы показать космонавту живописную бухту Ха Лонг. Сначала шли на катере. Потом пересели в шлюпку. Так легче лавировать среди островов. Остановились у одного из них с золотистым пляжем у подножья невысокой скалы, причудливо обработанной ветрами и штормами.

– Вам нравится этот островок? – спросил президент.

– Очень! – ответил Герман Степанович.

– Как он называется? – спросил Хо Ши Мин у капитана катера, который на время стал «капитаном» шлюпки.

Оказалось, что остров безымянный, а в лоцманских картах обозначается номером 47.

– В память о вашем приезде во Вьетнам, – сказал руководитель страны космонавту, – будем считать, что теперь этот остров носит ваше имя.

Говорят, что на лоцманских картах тихоокеанского залива можно найти маленький островок, который называется Герман Титов.

Небесные братья

Небесные братья – Андриян Николаев и Павел Попович в Бразилии. В холл гостиницы, где они остановились, при-

шла молодая семья с ребёнком. Объяснили, что им очень нужен Андриян Николаев.

– Как ваше имя? Кто хочет его видеть? – поинтересовался портье

– Передайте: его хочет видеть Андриян Николаев.

– Я вас не понял. Кто?

– Андриян Николаев, – повторил молодой мужчина. – Вот он. – И показал на ребёнка, которого держала на руках его жена.

Оказалось, когда поднялся в космос Андриян Николаев, и об этом сообщили бразильские газеты, молодые родители решили дать своему первенцу имя – Андриян Николаев.

– Мы немного поторопились, – уже в номере у космонавтов рассказывал Антонио Альберто до Сантос, отец мальчика. – Нам надо было назвать сына Андриян Николаев Павел Попович. Ведь у нас новорождённому чаще всего присваивают сразу несколько имён.

– Андрюша, а ведь он на тебя похож, – сказал Павел Романович, бережно передавая крошечного малыша из своих рук в руки Николаева. – Такой же смуглый, как ты. Глазёнки чёрные, блестящие. И такой же молчун.

Ни в какой обстановке Павел Романович не упускал случая подтрунить над другом. Все, а первым, конечно, переводчик, весело рассмеялись.

Дальше путь звёздных братьев лежал в Сан-Паулу – главный экономический центр Бразилии и административный

центр штата. Среди множества встреч был и приём у губернатора.

– На каком языке сеньоры предпочитают вести беседу? – поинтересовался губернатор. – На испанском, португальском, английском, немецком или итальянском?

«Сеньоры» не стали вдаваться в долгие размышления о том, что означал этот вопрос. Или губернатор решил блеснуть эрудицией. Или поставить гостей в неловкое положение, догадываясь, что иностранными языками, по крайней мере, в таком количестве, они не владеют.

– Мы могли бы предложить губернатору побеседовать и на нескольких других языках, – с достоинством проговорил Андриян Григорьевич. – На русском, чувашском, украинском, белорусском, мордовском.

Ответ Николаев очень понравился присутствующим. Журналисты поспешно записывали эти слова в свои блокноты. Дальше беседа продолжалась в ином, дружественном тоне.

О путешествиях космонавтов с их миротворческой миссией можно написать целое собрание сочинений. Что выбрать из моря фактов? Государственные, научные, дипломатические встречи? Они были чрезвычайно важны для укрепления дружественных отношений нашей страны со всем миром. Но наша тема сегодня – народная дипломатия. Та, что от души к душе...

Тепло Европейского севера

Юрий Гагарин и Валерий Быковский едут в страны европейского севера. Первая на этом пути – Швеция.

Договоренности о визитах чаще всего происходят заблаговременно и газеты непременно сообщают об этом своим согражданам. Давно ждут космонавтов и шведские школьники. Забавно, но также давно распространился слух, что космонавты будут интересоваться их учёбой, просматривать тетради и даже ставить отметки. Ай, да хитрецы-педагоги! Даже лентяи подтянулись. Никому не хотелось краснеть перед космонавтами.

Конечно, тетради космонавты не проверяли и не собирались проверять, но с ребятами встречались часто. При этом каждый ехал в «свою школу». Уже на подъезде к стокгольмской гимназии Юрий Алексеевич увидел море детей. То же самое – в коридорах школы. Радостные возгласы и приветствия не затихали даже тогда, когда Гагарин вместе с директором гимназии поднялись на переход второго этажа, который стал своеобразной трибуной.

Директор то и дело поднимал руку, чтобы утихомирить свою двухтысячную аудиторию. Как только подобный жест повторил Юрий Алексеевич, установилась тишина.

В такой вот тишине, невероятной для двухтысячной ребячьей когорты, гимназисты слушали Гагарина. А потом и Юрий Алексеевич, что скрывать, не без волнения слушал

приветственное выступление старшекласника на русском языке.

По многим своим поездкам Гагарин заметил, что под влиянием огромных технических успехов нашей страны, растёт интерес к русской культуре и русскому языку. И здесь ребята читали наизусть отрывки из произведений Толстого, Шолохова, стихи Пушкина. В заключение сыграли маленькую пьеску тоже на русском языке. Потом все вместе смотрели учебные аудитории. Зашли в химический кабинет. На огромной доске – таблица Менделеева. Среди клеток, густо «заселённых» обозначениями химических элементов – одна пустая. Свободная клеточка оставлена... для автографа Гагарина.

Пришло время ехать. Вышли на школьное крыльцо. Попытались двинуться к машинам. Не тут-то было. Двор запружен не только детьми, но и взрослыми, как видно, со всей округи. Опыт подсказывал Юрию Алексеевичу, что надо сделать решительный шаг вперёд и так же решительно двинуться к автомобилю. Но вдруг он увидел, что на ступеньке крыльца, не ведая опасности, стоит малыш лет трёх-четырёх. В вытянутой руке он держал фотографию Гагарина. Наверное, по неопытности не понимала опасности большой толпы и его мама, движимая единственным желанием получить автограф космонавта.

Гагарин поднял мальчугана на руки, вынес из толчеи, а потом и подписал ему открытку.

На следующий день почти все шведские газеты поместили снимки этого эпизода.

Пока Валерий Быковский, как бы сказали по-русски, хороводился с учениками в школьном городке Накко и щедро обменивал автографы на искренние, горячие чувства шведских мальчишек и девчонок, Гагарин успел побывать на телефонном заводе «Эрикссон».

Прошёл по цехам, поговорил с рабочими. И даже на скромном приёме-завтраке, устроенном в его честь, продолжал раздавать открытки со своей подписью. Преодолевая робость, попросил автограф повар, приготовивший необыкновенные блины и, очень кстати, крепкий кофе.

Юрий Алексеевич полез в папку и обнаружил, что не осталось ни одной открытки. Нехорошо получилось. Неловко перед поваром. Тот даже растерялся. Кто-то в шутку предложил:

– А вы распишитесь на его колпаке.

Все заулыбались. Повар же быстрым движением снял с головы белоснежный крахмальный колпак и положил его перед космонавтом. Гагарин крупными буквами вывел по нижнему ободку свою подпись.

Повар осторожно взял колпак, поцеловал, сказал, что будет бережно хранить его и передаст по наследству детям и внукам.

Потом уже вместе с Быковским Гагарин был в Высшей технической школе на собрании общества по изучению меж-

планетного пространства. Валерий Фёдорович сделал обстоятельный доклад. Затем вместе отвечали на вопросы. Отбивали их с таким же успехом, с каким две шведские команды отбивали шайбы на только что закончившемся финальном матче.

Хоккейный матч для шведов – святое дело. А с чего он начался? С того, что со стороны центрального входа стадиона на беговой дорожке появилась пара белых коней, запряжённых в лёгкую коляску, украшенную цветами. В ней – Первый космонавт и Космический рекордсмен. Интересно, что не только в пору первых полётов, но и многие десятилетия Валерий Быковский держал мировой рекорд по дальности и продолжительности космического полёта на одиночных кораблях.

Первые космонавты. Многотысячный стадион ждал их. Сдержанные строгие шведы все до единого встали со своих мест и аплодировали, что было сил. Гости выступили с короткими приветствиями, пожали каждому хоккеисту руку, дали автографы и неожиданно для себя получили от хозяев поля подарки.

Один из подарков поразил весь стадион. Это были миниатюрные, буквально ювелирной работы хоккейные коньки с ботинками для восьмимесячного сына Быковского Валерия Валерьевича.

Гостеприимность шведов не знала границ. Так в городе Мальме на площади перед зданием городской пожарной ко-

манды в присутствии тысяч людей зачитывается указ о присвоении космонавту Юрию Гагарину почётного звания «Капитан пожарной команды города Мальме». Юрий Алексеевич стоит на специально сооружённом для него помосте. Ему торжественно вручают пожарную каску. Под бурное одобрение площади он надевает её на голову. Мимо него под звуки фанфар проходит, отдавая честь, отряд городских пожарных.

Раздаётся пронзительный звук. Толпа расступается. В образовавшийся коридор одна за другой влетают машины с пожарным расчётом в полной боевой готовности. Слева и справа на крыльях машин на высоких флагштоках трепещут государственные флаги нашей страны и Швеции.

Торжественно. Радостно. Красиво. В Швеции – праздник. У них в гостях – советские космонавты.

Знакомясь с достопримечательностями города Мальме, Гагарин зашёл в один из магазинов. Директор с гордостью показал ему пальто, которые пошиты, в том числе, и для шведской олимпийской команды. Пальто красивые. Гагарин сказал несколько одобряющих слов. Весть о том, что космонавт похвалил новинку, молнией разнеслась по городу. К вечеру все костюмы и пальто в этом магазине были раскуплены.

Теперь Юрия Алексеевича наперебой приглашают все торговые предприятия города. Космонавт деликатно отказывается от такой чести, но в один из знаменитых универма-

гов всё-таки решил заглянуть. И тут начались приключения. Пришло сообщение, что в магазине заложена бомба. Полицейские оцепили универмаг. Вывели людей. Как выяснилось позже, никаких бомб там не нашли. Видимо, это были фокусы конкурентов.

Вечером того же дня намечалось собрание общества «Швеция – СССР». И снова та же история. К российской делегации пришёл полицейский и уведомил, что в гостинице, где должны были собраться члены Общества, готовится провокация. Гагарин заявил, что он не из пугливых и от встречи не откажется. Всё, конечно же, состоялось. И без осложнений. Только полицейских было чересчур много. Вокруг Гагарина – целый взвод, не меньше.

Когда из поездки по северу Швеции вернулся Быковский, и друзья встретились уже в Стокгольме, Валерий спросил, смеясь:

– Кому ты, Юра, так здорово насолил, что под тебя бомбы подкладывают?

– Зато, какой вокруг меня эскорт полицейских образовался, – также со смехом отозвался Гагарин.

– А если бы взорвалась эта бомба, какова была бы высота твоей орбиты? – не унимался Валерий.

– Наверняка ниже моей космической. Так что не страшно...

О сегодняшнем

Конечно, не страшно, когда твоя охрана – уважение и невероятная доброжелательность, когда навстречу тебе открываются сердца и души, а сознание вырывает с корнем застарелую неприязнь то ли к бывшим, то ли к придуманным врагам.

Тут к месту вспомнить об одном письме, точнее посылке для Гагарина, которую принёс в советское посольство в Западной Германии бывший солдат бывшей армии вермахта. В посылке лежало полотнище знамени. Солдат нашёл его в одном из захваченных русских городов и двадцать лет хранил, как военную реликвию.

«Сегодня я пользуюсь единственным в своём роде, особенно прекрасным поводом, чтобы возвратить знамя. Вы, господин майор Гагарин, „отвоевали“ знамя вместе с бесчисленными миролюбивыми сердцами во всём мире. Вернер Вайнгардт, г. Ганновер».

Здесь же, в одной логической цепочке наш Александр Твардовский и строки из его посвящения Гагарину:

Ах, этот день, невольно или вольно
Рождавший мысль, что за чертой такой —
На маленькой Земле – зачем же войны,
Зачем же всё, что терпит род людской?

Зачем?

Зачем сегодня по сердцу страны – её главной площади – ползут многотонные орудия убийства, а ракеты, как гигантские кулаки, грозят миру. Зачем и по чьему недомыслию через 74 года после Победы лозунгом этой святой даты стал нелепый выкрик: «Можем повторить!» Повторить что? Победу? Но победа не бывает без войны, смертей и разорения. Значит – повторить войну. Нацеливать на неё всех от мала до велика. Наполнять сознание россиян милитаристским смрадом.

Средняя группа детского сада готовится ко Дню Победы. Воспитательница просит деда одного из ребят настроить маленькие деревянные ружья, чтобы мальчики выступали с «оружием» в руках. Семья ребёнка потрясена.

Должно быть, в три смены работали швейные станки, выпуская к 9-му мая гимнастёрки с пилотками для... малышей.

Пренебрегая уроками, вместе с военными маршируют на репетициях парада старшие школьники, так называемые юнармейцы, члены новой молодёжной организации, спешно созданной в патриотическом нетерпении заставить всех ходить строем. Недолг час, и мы увидим их шествие с горящими факелами.

Что противопоставить губительному милитаризму? Родовые наши черты – доброжелательность и дружелюбие, душевность и открытость. Нашу способность стать миро-

творцами.

Сегодня десятки тысяч россиян бывают за рубежом, и многие из них везут домой ценнейший багаж – адреса и телефоны новых друзей из разных стран.

Можно и не ездить за кордон. Недавно была в Саратове. Пригласили в музей Константина Федина. Там выступал профессор Чикагского университета, известный специалист по русской литературе и русскому языку. Девяностолетний учёный вспоминал о своих встречах с литераторами русской эмиграции первой волны, с советскими писателями и поэтами. Потом долго отвечал на вопросы. И, думается, по приезде домой он расскажет своим студентам об искренних чувствах благодарности, которыми щедро одарили его волжане, а не о том, что он услышал о своей стране из телевизора в номере гостиницы.

Праздничные дни. Москва. На сцене интерклуба Российского университета дружбы народов проходит III Международный фестиваль пластического танца, посвящённый творчеству Айседоры Дункан. На сцене – участницы самодельных коллективов Москвы, Санкт-Петербурга, танцевальная группа студентов университета из американского штата Теннесси. Исполнители разновозрастные: молодые и не очень, подростки и совсем маленькие девочки. Все красивые, босоноги, пластичны, воздушны, будто крылаты в своих развивающихся накидках и туниках. Музыка – мировая

классика.

Вдруг неожиданно всё пространство наполняет голос Шаляпина, а на сцене – танец «Дубинушка». Это американские студентки привезли на фестиваль «Революционные танцы» из репертуара Айседоры Дункан. Легендарная танцовщица-босоножка исполняла их в России в двадцатые годы. Конечно же, в присутствии своего главного зрителя Сергея Есенина. За «Дубинушкой» следует «Варшавянка» с алыми флагами, с драматизмом борьбы. Каждый этюд как небольшой красивый спектакль. И так трогательно старание девушек в танце и музыке рассказать нам о нашем прошлом столетней давности.

Университет дружбы народов. Интерклуб. Второй час продолжается торжество искусства. Миротворцы на сцене. Миротворцы в зале...

– У нас одна общая цель – сделать мир лучше и не позволить начаться новой войне, – говорил майор Гагарин.

© Ада Дихтярь, 2019

ada@kons.biz

Татьяна ПОЛИКАРПОВА

Превратиться в дерево

Я хочу превратиться в дерево. Вовсе не значит, что я собираюсь стать деревяшкой, пеньком трухлявым. Бесчувственной колодой. Лежачим бревном.

Я хочу быть живым деревом, растущим под небом вверх и вширь. Чтоб был простор всем веткам, каждому листу. И хочу, чтобы постигло меня всё, что постигает живое дерево до его смерти. Нет, не преждевременной, когда ломают берёзку или кленок в пору их зыбкой, шаткой юности. Нет, пусть навьётся достаточно годовых колец вокруг тонкой его сердцевинки, достаточно, чтоб потом человек, склонившись над пеньком, мог и со счёту сбиться. Чтоб, присев на него, подумал бы прохожий: да что ж я на него сел, как на стул, когда это добрый стол: на нём можно расставить вдосталь снеди и закусок, да не на одного себя, а на пяток близких друзей... Как тот орех в Гарме¹... Да, орех в Гарме... Интересно, жив ли он... Невозможно представить его себе поверженным. Тем более пеньком... Крона его плыла под самыми звёздами. Вряд ли какой человек мог дошвырнуть камень

¹ Гарм – небольшой городок или посёлок в горах Таджикистана. Памир.

даже до нижних его веток, – так он был высок.

Да-а, тот орех... Вижу его сейчас: трое нас, парней, взявшись за руки, едва могли обхватить ствол. А три его макушки, неравные по высоте, расходились далеко друг от друга. И каждая ветвилась по-своему. А могучие нижние ветки шли почти горизонтально по отношению к земле. И было их немного. Весь этот сильный и простой каркас убирала ушастые широкие листья, прямо лопухи, а не листья.

Ночами, когда мы лежали под орехом, листья и ветки местами сливались в тёмные пятна, причудливой формы – материка, омываемые прозрачными водами небесного океана, светлого от звёзд.

Странно, почему сквозь ветки и листву ореха небо казалось прозрачным, ведь вообще-то гармское ночное небо, как чёрный бархат. Однако на широких прогалинах между «материками» даже и отдельные листья, застывши в безветрие, рисовались чётким силуэтом...

Крона ореха была обширной: весь наш мирный отряд туристов, 18 человек, укрывался под ней, – но не плотной, а сквозной. Мы лежали под её сенью ногами к стволу, 18 живых радиусов, и все как один смотрели вверх, следя за прихотливой вязью сучков, веток, листьев, наблюдая, как пугливо дрожат, запутавшись в их сети, вообще-то бесстрашно отверстые таджикские звёзды...

Вот тогда впервые... Тогда я почувствовал невольно, как меня захватывает дух этого дерева... Или сказать точнее, его

мир вселяется в меня. Невольно, невольно. Само собой при-
ходило ощущение вечности, будто я и орех – мы одно. Мир,
благодаря этому, виделся всегда равным самому себе: не ста-
рее и не новее. Одно время. Одно небо. Одни горы. И они
всегда здесь. Их силуэты одни и те же. Меняются лишь вре-
мена года. Приходит пора сбрасывать листья, терпеть холод
и ветры. И приходит весна. Но это идёт по кругу, а мир оста-
ётся тем же. Меняются ощущения...

Думаю, и зимой дерево не бесчувственно, наоборот, вся-
кий раз тяжело ему, как будто перед концом: ибо замирает
в нём жизнь и, кажется, не вернётся... Но и каждая весна,
зато приносит, как впервые, радость воскресения! Предста-
вить только себе: быть ни мёртву, ни живу, и вдруг – живое
тепло извне, новое солнце и, главное, живое движение в са-
мом тебе: в стволе, коре, новых почках! Начинается новый
круг, новый оборот времени, и время это не пропадёт, не уй-
дёт водой сквозь песок, но отвердеет очередным древесным
кольцом, круглой чёткой строкой, и рождение каждой стро-
ки дерево переживает как своё воскрешение к новой жизни.

Вот он, мудрый и старый орех, с корой, спёкшейся в зага-
дочные иероглифы. А что, если в них-то и зашифрован глав-
ный смысл, закон всей жизни? Прочитать бы!

Вот он, мудрый и старый. А весной от первого тепла,
от более яркого, чем накануне, солнца вздрагивает и насто-
раживается каждым своим отпрыском так же чутко, как его
юный с гладко-округлым стволиком родич, подрастающий

рядом с ним, своим пра-, пра-, пра- в бесконечной степени дедом...

Вёсны и зимы. А само время цельно и едино для них. И всё, что случается с людьми, случилось внутри этого круглого, как шар, как сама Земля, времени.

Тогда, в эти несколько ночей под орехом, я чувствовал Адама и Еву как своих брата и сестру. Их история шла рядом с моей. Нет, с нашей: моей и этого ореха. И всех остальных людей.

Только одно, если уж до конца говорить, не умещалось в это общее и круглое время: я никак не мог осенить моим орехом кровь, проливаемую людьми. Кровь всех войн и предательств никак не вмещалась сюда. Смутился, поняв это: значит, неправда, что время цельно и едино? Ведь не выкинуть из времени, пережитого людьми, кровь и войны – это их история, их движение, – думал я вместе с орехом.

Но нет! Конечно же, не вместе! Я отставал от него! Он-то с самого начала знал, что истинное Время всего – это жизнь, а не войны и убийства. Понимание этого пришло ко мне в третью ночь под ореховым деревом, а на завтра мы уходили из Гарма. Но в эту ночь я был бессмертным, и жизнь шумела вокруг в тишине, и я не спал всю эту ночь так же, как и орех.

Мы слушали: сколько голосов и движения! Я подумал: движение для дерева – в движении всего, что его окружает, в ощущении этого движения, как и того, что свершается

внутри него.

Вот – звуки ночи... Движение воздуха тихого, а то ураганного сквозь ветви и листья... Знаем ли мы, что приносит дереву ветер, родившийся, может, в самом сердце тёплого океана? Или в знойной пустыне? А здесь чаще всего летящий с ледниковых круч Памира, его ущелий и долин, свежих от ледяных потоков голубой гранёной воды.

Несут вести дереву и облака в бесконечности своих форм, меняющихся на глазах. Тучи с их градом, и ливнями, и тёплыми дождями.

Дерево не упускает самой малой перемены в красках земли и неба: от нежно-серого света утра через все переливы зари и восторг первоявления солнца до перламутровой игры вечернего неба с окружающими Гарм вершинами гор...

А звёзды, плутающие в ветвях ночами... а луна... Её прятки с облаками. То тень, то бледный свет. А звуки в ночи...

Пусть не так, как мы, в ином восприятии, и, может, ещё более остром и сильном, дерево воспринимает движение жизни и участвует в нём.

В ту последнюю ночь, бессмертный и бессонный, я слушал вместе с орехом... Лепет звёзд в ветвях... Тихие шорохи в траве и кустах, поскрипывание каких-то насекомых. Бормотание птиц: тихое горловое бульканье, неожиданные вскрики...

Всё это уже после того, как уснули мои товарищи, довер-

чиво прижавшись к сухой и тёплой, покалывающей травинками земле, тонким слоем кроющей здесь, в школьном саду, древние скалы Памира. Голоса их умолкали постепенно, один за другим, как голоса засыпающих птиц, а потом вдруг опять оживлялись, смех пробегал. Но смех звучал редко: торжественный орех, к подножию которого мы приникли; непроницаемо чёрный зубчатый силуэт гор в небольшом от нас отдалении, вздымающийся, словно борт гигантской люльки, подвешенной к звёздному небу и покоящей нас, малых детей, – всё настраивало на тишину.

...Как похожи мелодии жизни, – думал я, слушая ночь после того, как отзвучали голоса людей: так же переговаривались птицы.

...А потом вступили собаки. Конечно, их музыка была куда громче!

Сначала тонко, заливисто-тоскливо взлаяла где-то далеко на краю посёлка одна, оборвав голос на самой высокой отчаянной ноте. И – началось... Собаки лаяли истоиво, будто службу служили, будто одна перед другой старались: кто громче, кто дольше. Одни с подвыванием, тонко, иные – ба-сами, будто били в глухой барабан: баф! баф! У одних получалось: йех! йех! У других: йеу! Начнут, было, затихать, вот, кажется, совсем тихо. Но тут какая-то, обрадовавшись тишине, – теперь-то и показать свой голос! – ударит – зальётся: уау! Ой-ё-ёйёйёй-ёй! И понеслась новая волна по всему селению...

А ещё позднее вступили ослы. И собачий хор показался жалким простаком перед трагическим страстным ослиным плачем. Ослы какие-то особые, что ли, в Гарме? Да и ослы ли это? Ничего похожего на будничное дневное: и-ааа! и-ааа! Крики походили на человеческие вопли, родившиеся, наконец, из гордо сдерживаемого молчания. И не просто люди это были, а титаны: обычная человеческая глотка не выдержит, да и не сможет родить звук такой силы. Так, наверное, кричат в жестокой пытке: уже и не человек, а сама раздираемая плоть вопит – хрипло, дико, оглушительно, рвёт рот и глотку. Сердце тоскливо сжимается от этих воплей и мерещится: и тебя ждёт такая же мука. И внутри тебя шепчет голос, молящий: «Да минет меня... Да не заденет...»

– Нет, это, правда, ослы? Неужели ослы? – спрашивает время от времени кто-нибудь из наших девушек. А парни да же не пытались подшучивать над ними – уговаривали. Успокаивали, наверное, заодно и самих себя:

– Конечно, они. Они вопят. Обратите внимание: они часы отбивают. Каждый новый час. Такая биология...

Но не верилось в биологию в такую ночь под библейским деревом. Верилось в судьбу, в возмездие. В вечность верилось. В особый смысл существования всего на свете: любой травинки и букашки на ней; осла и собаки; дерева и человека.

А наш орех... Кто скажет, ночь ли плыла сквозь него со всеми своими звуками и голосами живущих вокруг созда-

ний, или это он плыл величаво сквозь ночь – мачта на корабле Земли, её вечный флаг, поднятый среди звёзд? Знак особенности Земли во вселенной и надежда всего живого на ней. Флаг, овевающий Землю дыханием жизни...

Так не кощунственно ли мне, твари, живой даром дерева, возжелать стать им самим, да ещё вспомнив при этом, может, самого величественного из всей его родни? Но пусть не таким, как он, не им, а стать хоть одним из его братьев...

Кстати, само желание это – превратиться в дерево – пришло вовсе не тогда, в Гарме. В саду маленькой под камышовой крышей школы, где сначала приютил нас учитель со своими четырнадцатью детьми, а уж потом – орех... Его тёмный парус над садом мы увидели ещё издали.

Нет, это пришло не тогда. Годы и расстояния отделили ту ночь под орехом от часа, когда жизнь дерева показалась завидной, когда пришло время сравнить и пожелать его доли. Вовсе не потому, что жизнь стала нестерпимой, а как раз наоборот. На мгновение летучее – что значат две недели? – жизнь вошла в покойный залив или тихую протоку. Волна «бочку вынесла легонько и отхлынула тихонько». И человек (это был всё тот же я) опомнился сидящим, правда, не в бочке, а на удобном надувном матрасе, складывавшемся в кресло с высокой спинкой. Это кресло само по себе заставляло того, кто сидел в нём, принять самую удобную и экономичную позу, напоминающую позу младенца в материнской

утробе или космонавта в минуты старта: колени приближены к груди, спину по всей её длине в любой точке поддерживает упругая опора. А на приподнятых коленях так удобно расположить пюпитр: книгу, журнал в твёрдой обложке или тетрадь; и на этот пюпитр ложился лист бумаги...

Справа и слева от матраца возвышались кулисы ровно подстриженных кустов акации, недалеко сзади стоял дощатый сарай, а прямо перед сидящим – дача, деревянный дом, похожий на обыкновенную деревенскую избу. От дома к сараю вела узкая асфальтовая полоска, а всё основное пространство двора беспорядочно заросло травой и деревьями: берёзой, осиной, ольхой, рябинами.

Кусты акации и жимолости отгораживали зелёной изгородью дом и двор от аллеи, ведущей к другим дачам. Но в те две недели никого не осталось во всём немалом посёлке казённых дач. Да и не полагалось быть никому в это время. Человеку с надувным матрацем разрешили в виде исключения: он был один, и сторожа с ним смирились.

Лето стояло насквозь мокрое, и сентябрь: ясный, солнечный тихий, – выпал как награда за терпение. Солнце, всё лето отдыхавшее за облаками и тучами, выглядело свежим, как весной, и деревья, мытые-перемытые дождями, юно блестели листвой.

Однако пора настоящего тепла всё равно миновала, от долгого сидения в тени становилось зябко. И человек на своём матраце-кресле поворачивался, как подсолнух,

за солнцем, ища его тепла, двигаясь по дорожке то ближе к левой кулисе кустов, то к правой. И это движение, подчинённое ходу солнца, было таким же незаметным и нетревожным, как движение ветвей и шелест окружающих деревьев. Оно не пугало даже птиц. Видимо, их не беспокоило и похрустывание белых листов бумаги, когда человек брал их из чистой стопки справа от себя или клал исписанными в стопку слева, ни яркое их свечение среди зелёной травы.

Впрочем, сначала птиц не было видно. Они появились, спустя дня два-три, видимо, привыкнув к одной и той же позе человека, к одним и тем же немногим его движениям, к постоянству его жизни здесь, во дворе.

Скоро птицы совсем освоились. Синицы, усевшись на низкие, вровень с плечами пишущего, ветки кустов, свешивались вниз, вытянув короткие шейки, следили, как движется перо по бумаге. Насмотревшись, улетали. Обедали чем-то невидимым, что находили на листьях, в их пазухах, гонялись друг за другом.

Стая дроздов с шумом и гамом налетала на рябины во дворе. Яростно пиروвали. Оранжевые бусины звонко щёлкали порой по бумаге.

Трясогузки щёпотно семенили возле самых башмаков человека, радушно кивали ему чёрно-белыми хвостиками.

Позже всех человека заметил Чип. Может, он прилетал и раньше, да по первости прятался где-нибудь рядом. Такому спрятаться совсем несложно: крошечный серенький ко-

мочек, совсем круглый, если б не коротенький хвостишко. По серой грудке два светло-жёлтых пятна, будто художник мазнул небрежно почти сухой кистью раз сверху вниз, второй – снизу вверх, оставив как бы перевёрнутые ширококонькие запятые. Кажется, это крапивник, вспоминал человек, разглядывая гостя и совсем застыв, чтобы не испугнуть его.

Гость качался на тонком побеге акации прямо перед его носом. Склонял круглую с небольшим клювом головку то влево, то вправо, чтобы лучше разглядеть человека, и восклицал звонко-удивлённо: чип! Чип! Потом принялся кувыряться, демонстрировал, какой он ловкий: не выпуская ветки, одним движением словно бы нырял вниз головой, а выныривал, уже сидя на той же ветке задом наперёд. Человеку никак не удавалось ухватить момент, когда гость переворачивался. Рраз! – и он уже к нему клювом; рраз! – и уже хвостом. Ай, да Чип! Ай, да ловкач!

Чип стал прилетать каждый день в одно и то же время. Перестал пугаться голоса, и человек разговаривал с ним. Чип понимал, во всяком случае, соглашался.

– Ты, верно, думаешь, что я тоже дерево?

– Чип! (Кувырок.)

– Ну, так сядь ко мне на плечо или на руку. – И человек отставлял в сторону локоть.

– Чип! Чип! – И на всякий случай гость отлетал подальше.

Но однажды, когда человек не смотрел на него, углубившись в работу, Чип невесомо, легче сухого листа, опустился

на носок башмака. И человек замер, невероятно счастливый.

Когда Чип задерживался на час или полтора – обычно он прилетал около двух часов дня – человек волновался. Мало ли что может случиться с такой малой птахой. А вдруг обиделся на него?

«Вот как, значит, плохо дереву, когда к нему не прилетают знакомые птицы», – подумалось однажды человеку в такие часы ожидания. Тогда-то он и понял про себя впервые, что сам почти превратился в дерево, и даже усмехнулся, довольный.

«И, правда, – присмотрелся он к себе пристальнее, – сижу на одном месте, даже птицы не боятся. Только листьями шуршу. Тоже, как дерево. И птиц своих знаю, а они меня...»

И он внимательнее глянул на окружающие его деревья, задумался о них, перебирая взглядом длинные плети берёзовых ветвей, льющихся на крышу дома. И вдруг стало ясно, предельно ясно, что стоящее на месте с рождения до самой смерти дерево получает радости от жизни ничуть не меньше, чем ходячий человек. Разом нахлынуло: вот я, человек, выхожу утром на крыльцо, а солнце уже поднялось, и крыльцо освещено в упор его лучами. И парит, курится оно, отсыревшее за ночь. А вокруг... Всё вокруг едино и согласно в эти минуты: ясность воздуха, тишина неба, матово-серые от росы травы и листья кустов... Словно всё и все прислушиваются к себе, сознавая счастье равновесия в себе самом, равно как и со всем миром.

И пронзительная, знобкая, как родниковая вода, свежесть...

На миг человек чувствовал и себя вместе со всем неотделимо, и переживал эти минуты как совершенное счастье жизни.

Нет, не намёк, не предвестье —

Эти святые часы.

Тихо пришли в равновесье

Зыбкие сердца весы...

Стихи из чьей-то книги подсказали...²

И ничего другого не нужно: лишь бы повторилось ещё одно такое утро. И это для тебя, малоразветвлённый человек. А для дерева-то? Каждый лист омыт этим счастьем, каждая ветка. Целая крона радости! А человек ещё пропустил рассвет. Без него перешло дерево грань между ночью и светом. Вот эта берёза над домом, высоко взмывшая над его крышей своей нежной сквозной верхушкой. Впереди у неё ещё целый день, и сколько перемен в нём... Загадок... Неожиданностей... Ветер налетит. А то и буря. Тут и потери, того гляди. Хрустнет ветка и со всей массой листьев рухнет вниз... Обратно уж ей не прирасти. Без потерь и обид дереву жизнь не прожить. Ужас молнии, бьющей в живую древесину...

Но ведь и всё-то на свете живёт, чтоб когда-нибудь погиб-

² Из стихотворения В. Брюсова

нуть. Молния – разве худший конец? Человеческий топор – хуже. И того хуже – медленная пытка огнём, костром, разложенным на самых корнях, близко к стволу, под кроной.

Нет, гроза, буря – это тот самый ужас, в котором и восторг: яркую внезапную гибель таит в себе буря с громом и ветроломом... Но если пронесло – вот счастье... Устояло дерево, живёт... И устало, и счастливо свисают зелёные пряди, роняя капли дождя. А солнце зажигает их разноцветными огнями. Искрится дерево. И каждый лист – а сколько их? – помноженное тысячекратно счастье: живу...

Вот отчего так утешительно, так отрадно смотреть на деревья. Свободные деревья в лесу, в заброшенном саду, дикорастущие на таких вот дачных участках. Сами по себе. Что без них и само небо? Пустота, голубая неразличимость... Деревья придают небу собственное над каждым земным местом лицо. Как вот здесь над этим домом. И что это был бы за дом без берёзы над ним? Без живой тени на его крыше? Вот уж верно: дому не должно быть выше дерева! Дому следует искать приют под деревьями. Тогда он не выглядит бедным сиротой, жалким в своём одиночестве, пусть этих домов хоть целая деревня наберётся. А под деревом, пусть под одним, он, как ребёнок при матери, при родне.

Недаром в городах дома, гордые своей башенной высотой, своей каменно-бетонной несокрушимостью, цепко держатся один за другой, жмутся друг к другу, потому что нет у них покровительства живых деревьев, и им страшно. Жалко го-

родские деревья. Только в парках они, вроде, приходят в себя, становятся сами собой. Да и то люди вмешиваются, не дают им жить по их законам и правде. А правда дерева – самая открытая, самая щедрая и простая из всех, кто живёт на земле. Такая же, как и у травы: *оправдывать своё существование самим существованием*. Всё, что нужно для жизни, они создают сами, ежегодно возобновляя то, что берут у земли; а небу – воздуху – так ещё и больше возвращают своим дыханием и ростом. И почва, кормящая вечно мать, не истощается, а тучнеет от массы листьев, которые дерево возвращает ей каждую осень.

В городских же скверах и парках люди отнимают у деревьев их возвратный дар земле, их завтрашний хлеб, сгребая по осени и сжигая палый лист.

Правда дерева – самая простая, самая чистая и прямая. И если человек сумеет принять её для себя... хоть когда-нибудь.

А листья уже начинали падать.... Начинали... Хоть и стояла летняя погода. Но это днём. Ночью же холодало. К утру всё вокруг покрывала ледяная роса. Кружевные листья акаций казались выкованными из какого-то неведомого драгоценного металла: изумрудный цвет просвечивал под матово-белой поверхностью. И ковкий то был металл! Какие узоры, какие сплетения из трав и листьев выбивали к утру, какие усики оттягивали искусные кузнецы лёгкими своими мо-

лотками...

Это были ещё не заморозки, а просто роса, похожая на плотный тонкий иней. Видно, от этой ледяной росы и желтел лист. Желтел на берёзе, бурел на высоких тополях по ту сторону аллеи перед домом, ржавел на рябинах, начинал краснеть на молодых осинках...

Однажды после обеда облака сгустились, нахмурилось небо, припустил мелкий дождичек. Ещё слабый, редкий. Чуткие осины залепетали раньше всех, жёсткие их листья закрутились резвее на гибких длинных черенках...

«Осенний вальс», – подумал человек, спрятав исписанные листы под кресло, сам же остался на месте, слушая крепнувший голос осени:

Неба истаяла синь,
Охрою зелень сводя,
Трогают листья осин
Тонкие пальцы дождя...

Потом солнце всё же вышло, выкатилось на небесную прогалину, просияло, будто смущаясь: что ж, мол, это я...

В ответ ему остро вспыхнула светом каждая капля на травах и листьях, озарилось потемневшее от влаги крыльцо, а серая шиферная крыша вдруг поголубела. Но весь этот яркий судорожный блеск выглядел надрывным, осенним.

Не обтирая влажного от дождя лица, человек смотрел, как несёт по воздушным струям лист, сорвавшийся с берёзы; как

он соскальзывает с одного невидимого яруса на другой всё ближе к земле, раскачиваясь, отклоняясь далеко: то в одну сторону, то в другую. А берёза стояла не шелохнувшись. Казалось, дерево замерло, следя за своим листом. Вот и ещё одни полетел...

Это уж когда все листья поспеют и станут ровно золотыми, уж тогда, пожалуй, дереву будет всё равно, а может, даже и радостно: дело сделано, пусть летят листья! А когда отлетают первые, одиночные, наверное, боязно: как он там, одиночно?

Да, когда дело сделано на совесть, до конца, его не жалко отдать другим, даже потерять ненароком. Лишь бы сказалась в нём твоя природа и порода – вяз ты, клён или ясень. У деревьев это делается само собой, вот что...

Хорошо бы уже при жизни стать таким деревом... Превратиться в дерево... Так подумалось тогда человеку. Он вздохнул и положил себе на колени свежий белый лист. Вглядываясь в безымянную его поверхность, увидел сквозь неё царственный гармский орех, поднятый недаром горами Памира к самым звёздам...

Почти через десять лет вернулись те дни и ночи, полные голосов и звуков. Давно прожитые дни, как сброшенные когда-то листья, возвращались, отдавали человеку свой перебродивший сок.

Дар дерева...

июнь 1982 г.

Послесловие

Почему мне захотелось повторить здесь этот рассказ, написанный так давно, когда ещё все мои родные: и родители, и дети, – были живы? Да потому, что это мой первый «взрослый» рассказ. Первые три повести были для детей и подростков. Ехала в Крым, в Коктебель, уже с «заготовками».

Однако, ничего ни о деревьях, ни даже о кустарниках не было там.

Села к столу и – не могу даже букву вывести... охватила меня робость: ну, как, как я вдруг чего-то там буду писать для взрослых?! – Это тебе не статья о «рабочих буднях» в журнале... Рассказ это тебе. Нет, – думаю, – нужно что-то такое... просто руку размять, ни о чём. Что в голову придёт... Что-то совсем не общественное. А своё. Просто для движения пера по бумаге...

...И вспомнила... Очень давний поход с моими друзьями ещё по городу Владимиру на Памир. И как при проявлении фотоснимка не сразу всплывает изображение, и ты видишь это сквозь прозрачный раствор проявителя, – так «увидела» я ореховое дерево в Гарме, в школьном дворе. А рука написала: «Я хочу превратиться в дерево...»

...Никогда ещё не писала так легко и сразу. Ведь несколько не сомневалась, «пойдёт» ли ЭТО всё куда, или «не пойдёт»: изначально себе писала...

И, что ещё интересно, всё шло «по правде». И компози-

ция сама по себе возникла – последовательность той истории: сначала поход на Памир и орех. Только по ходу писания вспомнила, что настоящее-то желание – быть связанной с Землёй, как связано дерево, – возникло куда позднее: во время работы над второй школьной повестью на казённой даче... Лето 1978 года.

И только время спустя, год или два, догадалась, что этот рассказ и есть моя вера, моё древнее желание: чтобы так всё и было на Земле: «Прислушаться, свериться, укорениться пора!»

Недаром мой старший сын, Серёжа, истинный мой друг и наследник, создал своё «Превратиться в дерево» и даже не изменил названия стиха...

Сергей Золотусский

Превратиться в дерево

Да, в этом году, посмотри! – уродится рябина,
Как ветки легки все от нежной и кремовой пены!
Да, в хмурые майские дни, вопреки непогоде...
Какая такая причина?

Три года она не цвела, как же тут разобраться
в природе,
В нетленной, мгновенно мои наполняющей вены?
Ах, все предсказанья, наверное, дело пустое...
Всё дело в настрое особом,
особом настое,
Что копится в почве,
что в воздухе бродит, струится...
Свершилось! – Раскрылись цветочные чистые лица!
Под жёсткой корою, почувствуй! – пульсирует камбий,
А корни прислушались к адовой топке ядра,
А листья сверяются с звёздами...
Так бы и нам бы:
Прислушаться, свериться, укорениться пора!

И ты мне поверишь, как тягостно было бесплодьё!

Тепло принесла только третья по счёту гроза...
Но я не могу, не могу разобраться в природе!
Цветочная пыль (аллергия!) слезит мне глаза...

май 1987 г.

© *Татьяна Поликарпова, 2019*

politatiana@yandex.ru

Sine me, liber, ibis in urbem (лат.)

**«Без меня, книга,
пойдешь ты в город»**

*Напутствие Овидия, находящегося в ссылке – его
книге, отправляемой в Рим*

Памяти Жанны Гречихи
30 ноября 1940 – 23 июня 2019

Не так давно Жанна Гречуха попросила меня записать это древнее изречение. И вот оно пригодилось. Ее новая кни-

га «Альбом Московской барышни» увидела свет без нее. Жанна успела частично опубликовать свои интереснейшие записные книжки. Это строфы рождающихся стихов, пришедшиеся по душе цитаты, заметки наблюдательной души. Предлагаем фрагменты этой удивительной книги.

Наталья Коноплева

Полностью книгу можно прочесть здесь: <https://clck.ru/Gscfb>

Из Альбома Московской барышни

Жанна ГРЕЧУХА

18 марта 2013 г.

Притча о человеке, без которого нельзя начинать праздник

«Вождь! Почему мы не начинаем праздник? Уже пришли музыканты, и факельщики, и гости с корзинами фруктов, а мы всё не начинаем?»

«Ещё не пора» – ответил Вождь.

Но вот, наконец, появился один человек. У него не было ни барабана, ни бутылки пальмового вина, но зато лицо у него было абсолютно праздничное.

«Что же, праздник начинается!» – сказал Вождь.

Воспоминания

У памяти хороший вкус.

Французская пословица

Даже молитва такая есть: «Избави меня, Боже, от воспоминаний!»

Как советовала птица Додо Алисе: «А прежде, чем куда-нибудь пойти, хорошо бы заранее знать, а как ты оттуда выйдешь».

Но я никогда не думала о последствиях. Вот и получался плохой конец у моих сказок. А на самом деле – «уровень отношений» был слишком высоким. В общем, режиссёр из меня, увы, не получился. Актёров для своих постановок я выбирала неудачных. Вот почему они не могут забыть, как я их сначала любила, а потом, не объясняя – уходила.

«Нужно уметь переворачивать страницы»
(Мэтр)

«Не пилите опилки. Не склеивайте разбитую чашку».

Любимые пословицы

«А с весёлого и беда, как с гуся вода»

«Свою любовь нужно прятать так же хорошо, как ворованную лошадь».

«Своего Будду в своём храме сторожи сам».

«Человек без тайны беднее, чем без имущества».

«С горем – одну ночь».

«В любви нет завтра».

«Вслух мечтать – чёрта тешить».

«Богу молись и чёрту не груби».

«Ходи, пока ходится, и люби, пока любится».

Шестая позиция

Первая позиция – Я.

Вторая – Я и моя семья.

Третья – Я и мой род, район округ.

Четвёртая – моя страна.

Пятая – белая раса, католики, православные.

Шестая позиция – Я и человечество.

Например, Гриша Перельман – живёт в шестой позиции.

И каждый, кто посвящает себя творчеству, служит всему человечеству.

Вот почему: «Стихи всехние». И Моцарт – всехний!

А Пушкин – только наш, ибо непереводем!

Трудней всего

Простить себя.

Я этого не знала.

Когда, вдруг,

В толчее вокзала

Смотрела, молча,

На тебя.

Простить себя

За то безумье.

Простить?!

22 марта 2013 г.

– Почему я никак не могу навести порядок? Психолог Аннетта спокойно ответила:

– И не получится. Уйдёт воображение.

Но я наивно верила, что в один прекрасный день я сумею

все рукописи и воспоминания разложить «по полочкам».
Зачем? Чтобы попрощаться.

27 марта 2013 г.

Какая-то наивная

Глупая тайна

Лишала меня

Покоя.

Настойчиво

Уверяла,

Что отныне

Нас только двое.

И она имеет право

Диктовать мне,

Как жить

И что делать.

23 августа 2013 г.

«Сны Акиро Куросавы».

На чёрном фоне надпись: «Я видел такой сон». Фильм человека в 75 лет.

Сколько фантазии, блеска, игры! Какой молодой фильм!

«Когда ты утром, наедине с белым листом, «вслед за кистью», начинаешь рисовать – это такое счастье.

Ничем это не заменишь».

(Александр Архутик, Интервью)

24 августа 2013 г.

«Будучи сами закрепощенными людьми, мы стараемся за-
крепостить других».

(Лёша Ризин)

Вручая аттестат, директор школы Ольга Савельевна ска-
зала:

– Ты проживёшь счастливую жизнь. Никогда не будешь
знать, где ты переплачиваешь, где недоплачиваешь. Ты ведь
считаешь в пределах десяти.

И добавила:

– Революция сыграла с тобой злую шутку. Она лишила
тебя твоих мужчин.

Через много-много лет я вспомнила её слова, когда встре-
тила «адресатов лирики» в Тифлисе. Мужчин, которые вста-
ют на колени, целуют руки, дарят розы, обращаются к тебе
на «Вы».

25 августа 2013 г.

Обожание, которое ничего не просит.

«Почему Вы не хотите продолжить наше знакомство?»

Не могла же я сказать: «Потому что Вы – Двойник. Я хочу
забыть всё, что связано с Грузией, а Вы меня

возвращаете в Тифлис, в солнечное лето, в Театр, в мою
любовь».

Он посмотрел на меня очень строго. И повторил свой вопрос.

«Что же, давайте продолжим НАШЕ знакомство. Запишите мой телефон».

26 августа 2013 г.

Антресоли.

Это городской чердак. Старые журналы, книги, письма. Всё складывают туда «до лучших времён».

У меня никогда не было желания (и времени) разобрать рукописи. И потом я не умела «заставлять себя» – наводить порядок.

Когда я прилетела весной 1983 года в Тифлис, я уже заранее знала, что моя прежняя жизнь – разрушится. И придётся всё (!) начинать сначала.

Строить новый дом. Прощаться с друзьями. И с профессией.

«The summing up». Подводить итоги. Зачем?

Я превратилась в другого человека. Как это объяснить своему окружению?

Спросить совета у своего поэта.

27 августа 2013 г.

– Каждый охотник желает знать, где сидит фазан. Знаешь, что это?

– Нет.

– Так мы в детстве запоминали цвета радуги.

– О, Я догадался! Красный. Оранжевый. Жёлтый. Зелёный. Голубой. Синий. Фиолетовый.

Но я ещё никогда не видел радугу. Только в книжке. А Вы видели?

– Однажды даже двойную. Язычники верили, что Боги спускаются на Землю по этому мосту.

«Кто нищ три дня, тот нищ всегда». (English proverb).

«По одежке протягивай ножки».

«Мой стакан мал, но я пью из моего стакана». (Французская пословица)

28 августа 2013 г.

Чердак или подвал?

Разумеется, чердак. Видны звёзды. Можно назвать: «мансарда». Зажечь свечу, взять в руки перо или кисть и придумывать свой «таинственный мир».

Гия Певчий Дрозд.

Нанёс визит с нежно-розовыми розами.

– А Вы с какого года? Под каким созвездием?

Он посмотрел строго, удлиняя дистанцию.

– Я пришёл к моей Королеве. И мне совершенно всё равно, сколько у неё детей, и как они воспитаны.

– Вы ему нравитесь, – сказала Лали.

– Не думаю. Просто – знакомство.

Я показывала ему «мою грузинскую среду», потому что

Он – был двойником «адресата лирики», напомнил его: ростом, жестами, голосом.

Я была не в силах прервать это «знакомство».

Оно – прервалось само.

Но тот дождь, когда мы шли от метро, и я могла бы взять такси, но не хотела его обижать.

– Как Париж? – спросил Он.

«О, Париж!». Его не расскажешь.

Гобелен.

Во всю стену.

Вытканы все мои сверкающие Герои и Друзья. И силуэты любимых городов.

Неисчезающие тени. Спасибо, что вы были в моей жизни.

Боже! Как же мне нравилось раньше: дерзить, «ставить человека на место», наживать себе врагов. А теперь я не могу НИКОГО обидеть.

«Мне всех жалко», – сказала Медея. «Я не могу поставить сатиру».

Олег Попцов неслучайно не хотел посылать меня в Грузию.

Кто же это сказал: «Может, Вы и ушли от Грузии, но она из Вас не ушла».

Знание этикета освобождает тебя от ненужных общений, случайных людей; ты замечаешь детали и избегаешь сетей «диавольских».

Этикет служит твоим Ангелом-Хранителем.
«Всесильный Бог деталей».

Почему меня так поразила пословица: «В нужде с кем не поведёшься».

Коля Томашевский небрежно обронил: «Братъ деньги за знания? Защищать диссертацию? Да я лучше переведу какой-нибудь роман с итальянского».

Застолья у Тани Корольковой в эпоху цветного телевидения (1969—1971).

Светская жизнь.

Слишком поздно я поняла, что не хочу «платить за светскость» своим временем и душой.

Книга по хиромантии.

«По линиям руки, дружба только „на равных“, а в любви Вас должны любить больше».

– Главное, чтобы тюрьмы не было.

– И азарта.

Мы с Хмелем рассмеялись.

Разговоры

– Но почему Вы уходите?

– У нас с Вами разные представления о слове «дружба».

– Но я исправлюсь!

– Нет! «Характер не лечится». Вам нравится быть несчастной.

Житейские истории

Мой папа не мог больше приходить в свой дом. Потому что вся его радость принадлежала моей маме. Когда я вышла замуж, он мне сказал:

«Следи, чтобы тебя очень любили, женщине это необходимо. Не снижай уровня своих требований». Он и представить себе не мог, что мой муж на вопрос: «Когда у меня будет операция», – ответил:

«Понятия не имею».

Папа всю ночь не мог уснуть.

Другое воспитание. Другой состав крови.

(Таня Королькова, 1970)

Мне бы хотелось всех моих друзей перезнакомить и исчезнуть! Манана, мама Луки, пригласила на его сольный концерт, 4.IX в среду, в 19 ч, малый зал Консерватории. Лука в сентябре уезжает в London.

Учитель

Привычка всё контролировать, советовать, жить по рас-

писанию.

– Нужно взять учителя по вокалу. Улыбнулся.

– Родительский долг. Будет петь авторские песни, но профессионально.

– Не нужно меня исправлять и переделывать!

– Но я же не камикадзе!

– Надеюсь!

(Неужели я стала «захваченным астероидом»?)

Есть друзья, которых ты прячешь.

Лера Маркова, Ольга Крестовская, Ната Колузганова.

Только для меня! Ибо остальные «знакомые» попытаются «рецензировать».

Не разрешаю!

Это – мои «сокровенные острова».

Вообще – красота нормы. Здоровье, счастье. Мои декорации.

Запомнилось:

«Екатерина II сообщает итальянской примадонне, что «она платит ей за концерт столько же, как своим маршалам». «Так заставьте их петь».

Ответ свободного человека. Примадонна отказалась петь.

«Во время концерта Её Величество позволила себе беседовать со своим фаворитом».

Конь Состав. Его выводили на сцену Большого театра.

То ли в «Князе Игоре», то ли в «Иване Сусанине».

«Мои родители благодаря ему поженились. А я пошёл учиться в Тимирязевскую академию. На факультет Коневодства. Мой преподаватель мне сообщила, что это она выводила Состава на сцену Большого театра.

Познакомилась со своим мужем, перестала петь и занялась коневодством».

(Сообщено Н. Григорьевой)

«Да не оскудеет рука дающего».

– Кто это сказал?

Это выражение из Библии. Или из Евангелия.

– Мне нужно прочесть эти книги?

– Всенепременно. Человечество две тыщи лет изучает священные книги.

– ...И сказал Сатана: я разложу перед человеком все мёды мира, и он будет мой!

– Нет, – сказал Христос, – ибо не хлебом единым жив человек.

– Это притча?

– Да!

Беседы с Даниилом Первым.

Из французского языка ты должен заполнить два глагола: «etre et paretre». «Быть и казаться».

Где бы ни был, не нужно «казаться» более успешным и бо-

лее богатым, чем ты есть. Будь со всеми на равных, но помни: «твой прадедушка и твоя прабабушка защитили кандидатские диссертации в Страсбурге». Это тебя будет лишать снобизма.

Моя дочь:

«Неужели Вы могли бы ударить женщину?»

– Мама! Почему ты молчишь?

– Вспомни Марлона Брандо в фильме «Трамвай „Желание“». («Жертва на 50% сама виновата в преступлении»).

«Отдарить, чтобы не благодарить. Я под этим небом одна. Отойдите и благодарите!»

(Марина Цветаева)

Ах! Умение уйти вовремя – свойственно аристократам и англичанам.

Вот придёт Жанна...

Наталья КОНОПЛЕВА

Вот придет Жанна... – однажды стали поговаривать в нашей компании. – Вот придет Жанна, и вы все удивитесь!

И она пришла, села среди нас и обласкала всех веселыми яркими глазами. Мы приготовились слушать.

– Вообще-то я ведьма, – непринужденно заявила Жанна, – вот у меня и глаз косой, и ямочка на щеке.

Глаз у нее не был косой, а просто по-особому задорный и независимый, но мы поверили. И наперебой стали расспрашивать про приметы, характеры и судьбы. Она охотно отвечала, и все ее определения удивительно сходились с тем, что мы чувствовали сами. Жанна знает огромное количество народных примет, заговоров, поверий. Как филолог. Ее здоровая интуиция подсказывает ей сторониться всего плохого и даже упоминаний о нем: болезней, несчастий, неудач. Черный с белым не берите, «Да» и «Нет» не говорите... Такие строгие правила игры.

Своими «ведьминскими» талантами Жанна не злоупотребляет, но порой случались удивительные сюжеты с ее участием. Так, избранная партийной властью Галина Семенова, главный редактор журнала «Крестьянка», вдруг взяла и гру-

бо, без объяснения причин сняла верстку с уже набранными стихами Жанны. Захотела показать независимой и гордой коллеге, кто здесь главный.

– Слабые мстят, сильные прощают, а очень сильные карают, – сказала ей Жанна. – Тебя здесь скоро не будет.

– Ты угадала, я как раз ухожу. В Политбюро КПСС!

– Ну что же, – ответила Жанна. – Придется убрать всю компашку!

Через две недели Политбюро навсегда ушло из нашей жизни, как дурной сон. Окружающие с суеверным трепетом поглядывали на Жанну и радостно говорили ей:

– Ну, ты заодно с Семеновой все Политбюро свалила!

Наверное, так на самом деле и было.

А вообще-то она – Божией милостью журналист, поэт и писатель. В годы, когда записные журналисты

хором славили КПСС – ее очерки, ее рассказы и стихи были, как глоток ключевой воды. Она писала о художниках, режиссерах, поэтах, отнюдь не обласканных тогдашней властью. А ее стихи просились, чтобы их пели, так они сокровенны и звучны.

Она очень тонко чувствует и понимает любовь и пишет о ней чисто и светло.

Жанну надо завоевывать каждый день и дружить с ней, «приподнявшись на цыпочки».

Она ведет мастер-класс для школьников, мечтающих стать журналистами. Они все ее обожают. Жанна ощущает,

как широко раскрытые восторженные глаза ее учеников впитывают ее энергию. Но, переборов прямо-таки физическое изнеможение после такой энергоотдачи, она снова и снова приходит в свой мастер-класс.

Ведь что такое талант? Это выброс энергии. И всё чудо в том, что чем большим ты делишься, тем больше имеешь.

Вот придет Жанна... И мир вокруг сразу станет праздничным и многоцветным, польются прекрасные незнакомые стихи, зазвучит филигранная проза, и работа осенит вас счастьем творчества...

15 февраля 2004 года

© Наталья Коноплева

nakon2004@mail.ru

Олег ЛАРИН

Многоликий и неуловимый

Эта книга³ появилась на свет благодаря доступу к архивам КГБ, ФБР, ЦРУ и свидетельствам участников событий. Впервые стало возможным заглянуть в «тайну за семью печатями», о которой раньше только догадываться, а заодно приоткрыть кулисы подлинных деяний ОГПУ-НКВД-КГБ на международной арене.

Эта книга – плод коллективного сотрудничества офицера ФСБ/КГБ, журналиста Олега Царева и английского историка Джона Костелло... «За полтора года, которые ушли на написание этой книги, – свидетельствует последний, – мы затратили сотни часов на телефонные переговоры и переслали в Соединенные Штаты и Россию многие килограммы бумаги. Наша совместная работа протекала на удивление гладко благодаря терпеливой работе Олега с архивистами, которые проявили горячее стремление помочь делу. Когда понадобились материалы об Орлове из архивов ФБР и ЦРУ, мне удалось получить только половину хранящихся там дел: осталь-

³ Олег Царев, Джон Костелло. Роковые иллюзии. М., «Международные отношения».

ное по-прежнему не выдают...» /Что же касается британской разведки, то она безапелляционно заявила, что ее «документы должны остаться закрытыми навечно»/.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.